Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 5. С. 96–105.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 96–105.

Научная статья
УДК 81'33: 81'276.5(811.111+811.161.1)(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V544

Сопоставительный анализ концептов НАРКОТИКИ в русской и DRUGS в американской лингвокультурах

Светлана Владимировна Киселёва[1]
Владимир Максимович Соловьёв[2]✉
[1, 2]Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,
[1]svkiseljeva@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-3814-1111
[2]vl.solvev@gmail.com✉, https://orcid.org/0009-0005-0645-6839

Аннотация. В данной статье рассматривается сопоставительная репрезентация концептов НАРКОТИКИ[1] и DRUGS в русской и американской лингвокультурах соответственно. Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий в их понятийной, ценностной и образной структуре, а также в установлении специфики их функционирования в институциональном и массмедийном дискурсе. Актуальность работы обусловлена усилением общественного и медийного внимания к проблеме наркотиков и необходимостью лингвокультурного осмысления различий в их концептуализации в условиях глобализированного дискурса. Теоретической основой послужили положения лингвокультурной концептологии и когнитивной семантики, трактующие концепт как многокомпонентное образование, включающее семантическое ядро, оценочный компонент и систему образных репрезентаций. Методологически работа опирается на комплексный подход. Лексикографический анализ позволил определить нормативно закрепленные значения и семный состав исследуемых единиц, этимологический – проследить историческую динамику их смысловой эволюции, корпусный – выявить статистически значимые коллокации и типичные контекстуальные модели. Дополнительно учитывались данные о жаргонной номинации и метафорических конструкциях, отражающих культурные сценарии употребления концептов и их оценки. Результаты показывают, что в русской лингвокультуре концепт преимущественно реализуется в негативно-криминальной и социально-проблемной перспективе, тогда как в американской картине мира он обладает более широкой семантической амплитудой, включая фармакологический и терапевтический дискурс наряду с криминальным. При этом в обеих культурах сохраняется устойчивая связь с идеями зависимости и риска. Полученные выводы уточняют представление о культурной специфике концептуализации и могут быть использованы в межкультурных исследованиях, переводоведении и анализе дискурсивных практик.

© Киселёва С.В., Соловьёв В.М., 2026

[1]*Авторы заявляют, что исследование носит сугубо научный, дескриптивный характер. Все анализируемые лексические единицы, жаргонизмы и примеры из массовой культуры приводятся исключительно в лингвистических и дискурсивных целях и не могут рассматриваться как пропаганда наркотиков или одобрение их употребления.*

Ключевые слова: *концепт НАРКОТИКИ, концепт DRUGS, лингвокультурология, когнитивная семантика, русская лингвокультура, американская лингвокультура, оценочная семантика, корпусный анализ*

Для цитирования: Киселёва С.В., Соловьёв В.М. Сопоставительный анализ концептов НАРКОТИКИ в русской и DRUGS в американской лингвокультурах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 5. С. 96–105. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V544

Original article

Comparative Analysis of the Concepts NARKOTIKI in Russian and DRUGS in American Linguocultures

Svetlana V. Kiseleva[1]
Vladimir M. Solov'ev[2]✉
[1, 2]Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia,
[1]svkiseljeva@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-3814-1111
[2]vl.solvev@gmail.com✉, https://orcid.org/0009-0005-0645-6839

Abstract. The article examines the comparative representation of the concepts NARKOTIKI and DRUGS in Russian and American linguocultures, respectively. The aim of the study is to identify similarities and differences in their conceptual, axiological, and figurative structures, as well as to determine the specifics of their functioning in institutional and mass media discourse. The relevance of the research is driven by the growing public and media attention to drug-related issues and by the need for a linguocultural interpretation of differences in their conceptualisation within a globalised discursive space. The theoretical framework is grounded in linguocultural conceptology and cognitive semantics, which interpret the concept as a multidimensional construct comprising a semantic core, an evaluative component, and a system of figurative representations. Methodologically, the research adopts an integrated approach. Lexicographic analysis was used to determine codified meanings and semantic features of the units under study; etymological analysis made it possible to trace the historical development of their meanings; corpus analysis revealed statistically significant collocations and recurrent contextual patterns. Data on slang nomination and metaphorical constructions reflecting cultural scenarios of use and evaluation of concepts were also taken into account. The findings demonstrate that in Russian linguoculture the concept is predominantly realised within a negative, criminalised, and socially problematic perspective, whereas in the American worldview it displays a broader semantic scope, incorporating pharmacological and therapeutic discourse alongside the criminal dimension. At the same time, in both cultures the concept remains closely associated with the notions of addiction and risk. The results contribute to a more precise understanding of culturally specific patterns of conceptualisation and may be applied in cross-cultural studies, translation studies, and discourse analysis.
Keywords: *concept NARKOTIKI, concept DRUGS, linguoculturology, cognitive semantics, Russian linguoculture, American linguoculture, evaluative semantics, corpus analysis*

For citation: Kiseleva S.V., Solov'ev V.M. Comparative Analysis of the Concepts NARKOTIKI in Russian and DRUGS in American Linguocultures. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 96–105. https://doi.org/10.37482/2687-1505-V544

Тема психоактивных веществ относится к зонам языка, где номинация неизбежно сопровождается оценкой: слово передает не только обозначаемый предмет, но и сложившиеся в обществе установки, запреты и страхи. Табуированность проблемы порождает эвфемизмы, жаргон и стигматизирующие маркеры, а сама лексема становится носителем концепта, в котором понятийное содержание тесно связано с ценностным и образным. Русская и американская лингвокультуры представляют в этом отношении репрезентативный материал, поскольку в обеих сформировались развитая система номинаций и обширный публичный дискурс, однако складывались они в различных условиях, что предполагает неодинаковую организацию соответствующих концептов.

Актуальность изучения концептов НАРКОТИКИ / DRUGS определяется не только распространенностью их в языке, но и спецификой репрезентации, формирующейся под сильным давлением табу. В то же время институциональные факторы (медицина, право, рынок фармацевтики) и социокультурные нарративы конструируют различную структуру ассоциативного поля концепта в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах, что обуславливает необходимость обращения к сопоставительному анализу для последовательного описания и интерпретации наблюдаемых различий.

Цель данного исследования – сравнить понятийную, ценностную и образную составляющие концептов НАРКОТИКИ в русской и DRUGS в американской лингвокультурах, что позволит выявить как структурные сходства, так и системные различия в их языковой репрезентации.

Методологически исследование основано на сочетании лексикографического, этимологического и корпусного анализа с последующей статистической обработкой коллокаций и качественным разбором метафорических, эвфемистических и жаргонных репрезентаций. Теоретически работа опирается на лингвокультурную концептологию, в частности на труды Ю.С. Степанова [1], Е.С. Кубряковой [2], В.И. Карасика [3] и С.Г. Воркачёва [4], и рассматривает концепт как трехкомпонентную (понятийную, ценностную и образную) структуру, что дает возможность сопоставить семантическое ядро, оценочные установки и дискурсивные модели его реализации.

В первую очередь сравнение концептов требует обращения к словарным дефинициям, позволяющим выявить устойчивое ядро сем, выраженное в трех группах признаков: вещество/субстанция; способность изменять сознание или физиологическое состояние; риск зависимости (*табл. 1*). Данные семы присутствуют как в русских, так и в английских дефинициях и задают основную когнитивную рамку понятия.

Периферийные значения распределяются между медицинским и юридико-криминальным спектрами. В английских словарях дефиниции часто прямо разделяют “medical drugs” (медицинские препараты) и “illegal drugs” (нелегальные наркотики), фиксируя двузначность лексемы “drug” – одновременно термина фармакологии и обозначения запрещенных веществ [5]. В русских источниках наблюдается иная семантическая конфигурация: здесь чаще подчеркиваются сильнодействующий характер вещества и его прямая связь с наркоманией. Юридическая составляющая также выступает явно, а медицинская функция фиксируется, но как историческая или ограниченная [6], т. е. в русском дискурсе НАРКОТИК дефиниционно ближе к категории стигмы и правовой регламентации.

Следующим этапом анализа является рассмотрение ценностной составляющей концептов. Этимологическая ось русского термина восходит к древнегреческому корню *nark-* (νάρκη в древнегреческом обозначало «оцепенение/ступор»), от которого через лат. *narcoticus* и франц. *narcotique* сформировался

Таблица 1

Дефиниции для слов «наркотики» и "drugs"

Definitions of words "narkotiki" and "drugs"

Словарь	Определение
Толковый словарь русского языка	Сильнодействующие вещества, преимущественно растительного происхождения, вызывающие возбужденное состояние и парализующие центральную нервную систему[2]
Большой энциклопедический словарь	Природные и синтетические вещества, вызывающие наркоманию. Российское законодательство устанавливает административную или уголовную ответственность за незаконные действия с наркотиками[3]
Большой словарь психиатрических терминов	Общее название наркотических средств, лекарственных и нелекарственных, способных вызвать наркоманию[4]
Merriam-Webster	1. a substance used as a medication or in the preparation of medication; 2. something and often an illegal substance that causes addiction, habituation, or a marked change in consciousness[5]
Oxford Learner's Dictionary	1. an illegal substance that some people smoke, inject, etc. for the physical and mental effects it has; 2. a substance used as a medicine or used in a medicine[6]

новый общеевропейский лексикон медицины[7]. В медицинских текстах Античности и Средневековья соответствующие термины обозначали вещества, вызывающие онемение или сон, именно в этом значении слово употреблялось в трудах Гиппократа и последующей медицинской традиции. Заимствование в русский язык зафиксировано сравнительно поздно: впервые устойчивое употребление термина «наркотик/наркотические средства» как единого обозначения психоактивных веществ в нормативных документах фиксируется в XIX–XX веках по мере становления фармакологии и юридической регламентации их оборота[8]. Английское слово

[2]НАРКОТИКИ // Толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/наркотики (дата обращения: 24.02.2026).

[3]НАРКОТИКИ (от греч. narkotikos – приводящий в оцепенение) // Большой энциклопедический словарь. URL: https://www.vedu.ru/bigencdic/41423/ (дата обращения: 24.02.2026).

[4]НАРКОТИКИ // Большой словарь психиатрических терминов. URL: https://gufo.me/dict/psychiatry_terms/Наркотики (дата обращения: 24.02.2026).

[5]drug // Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/drugs (дата обращения: 24.02.2026).

[6]Drug // Oxford Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/drug_1 (дата обращения: 24.02.2026).

[7]Наркотик // Этимологический словарь Крылова. URL: https://gufo.me/dict/krylov/наркотик (дата обращения: 24.02.2026).

[8]Наркотик // Этимологический словарь Шанского. URL: https://gufo.me/dict/shansky/наркотик (дата обращения: 24.02.2026).

"drug" имеет иную этимологию и восходит к старофранцузскому *drogue* / средненидерландскому *droge*. Оно первоначально обозначало лекарственные вещества, преимущественно сухие растительные препараты [7]; с позднего Средневековья термин фиксируется в значении «лекарство», а с XIX века получает расширение до «наркотик» (в значении «запрещенное вещество»)[9]. Обращение к этимологии обоих слов позволяет обнаружить, что прежде они имели сходное значение «лекарственный препарат».

Ассоциативные данные помогают выявить имплицитные оценочные установки, сопровождающие лексему в языковом сознании, и тем самым уточнить ценностную составляющую концепта. Для обоих концептов данные были получены с использованием открытого онлайн-ресурса *Word Associations Network*[10], предоставляющего результаты автоматизированной агрегации ассоциативных откликов пользователей сети. Так, ассоциативное поле русской лексемы «наркотик» демонстрирует выраженную криминально-социальную направленность. В ядре устойчиво представлены номинации, связанные с незаконным оборотом и насилием: *торговец, контрабанда, мафия, сбыт, задержание, таможня, коррупция, преступность*. Существенную долю составляют обозначения социальных ролей и институтов (*контрабандист, осведомитель, ФБР, ЦРУ, ООН*), что указывает на восприятие наркотиков прежде всего как объекта правоприменения и борьбы. Значимы также ассоциации, фиксирующие стигматизированные социальные практики и девиантные пространства (*притон, оргия, проституция*), телесно-физиологические и сенсорные эффекты (*кайф, галлюцинация, опьянение*).

Англоязычное ассоциативное поле для "drug(s)" структурировано иначе и отличается большей семантической гетерогенностью. Наряду с криминальными номинациями (*dealer – наркоторговец, cartel – картель, trafficking – наркоторговля, smuggling – контрабанда*) здесь устойчиво представлен обширный медицинско-фармацевтический кластер (*pharmaceutical – лекарственное средство, prescription – врачебный рецепт, pharmacology – фармакология, patient – пациент*). Кроме того, в ассоциативном ряду регулярно встречаются термины, относящиеся к общественному здравоохранению и биомедицине (*hepatitis – гепатит, chemotherapy – химиотерапия, antibody – антитело*), что отражает институциональную интеграцию концепта DRUGS в дискурс лечения и клинической практики. Тем самым ассоциативная структура подтверждает двузначность, зафиксированную на уровне словарных дефиниций: "drug" одновременно функционирует как обозначение лекарственного средства и как номинация запрещенного или рекреационного вещества.

Важным инструментом уточнения ценностной составляющей концепта является анализ коллокаций. Так, материал был получен в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)[11] по лемме *наркотик*, объединяющей все словоформы, включая множественное число «наркотики». Для английского языка анализ проводился в Corpus of Contemporary American English (COCA)[12], использовался поиск по лемме *drug*, которая в т. ч. включает в себя форму множественного числа "drugs". Для обоих языков коллокационный анализ проведен в окне ±4 слова при пороге частоты (raw frequency) ≥ 50. В качестве основной ассоциативной меры в

---

[9]Origin and history of drug // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/drug (дата обращения: 24.02.2026).

[10]*Word Associations Network.* URL: https://wordassociations.net/en/ (дата обращения: 24.02.2026).

[11]Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 24.02.2026).

[12]Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (дата обращения: 24.02.2026).

НКРЯ использовался показатель LogDice, в COCA – Mutual Information (MI), поскольку именно эти метрики являются стандартными для соответствующих корпусных интерфейсов.

Ранжирование коллокаций показывает устойчивые различия в ценностных ориентациях двух лексических полей. В английской выборке доминируют модификаторы фармакологического характера: *cholesterol-lowering – снижающий уровень холестерина, nonsteroidal – нестероидный, anti-psychotic – нейролептический* (*табл. 2*). Эти коллокации указывают на частое употребление лексемы "drug" в клинических и фармакологических контекстах [8].

Параллельно присутствуют лексемы, обозначающие психоактивность и воздействие на сознание: *psychoactive – психоактивный, mind-altering – изменяющий сознание, performance-enhancing – повышающий работоспособность*. Наконец, криминальная компонента в англоязычном корпусе представлена терминами *trafficker (контрабандист)* и *trafficking (незаконный оборот)*, однако по представленности она уступает медицинскому кластеру.

Русский коллокационный профиль имеет иную структурную экспликацию. В верхней части списка НКРЯ доминируют лексемы, напрямую связанные с незаконным оборотом и правоохранительной практикой: *незаконный*, *контрабанда*, *оборот*, *торговец*, *торговля*, *распространение* (*табл. 3*).

Параллельно представлены действия и состояния, отражающие употребление и зависимость (*употребление*, *употреблять*), а также связанные социальные маркеры, например *алкоголь*. Сопутствующие коллокации *борьба* и *контроль* подчеркивают институциональную реакцию – криминальные и регуляторные практики, находящиеся в центре дискурса о наркотиках.

Наблюдения подтверждают вывод о различной институциональной поляризации концептов. Англоязычное поле концепта DRUG(S) проявляет многоаспектную институциональную

Таблица 2

Коллокации леммы *drug*

Collocations of lemma *drug*

Коллокат	**MI**
Performance-enhancing	9,13
Nonsteroidal	9,00
Date-rape	8,77
Cholesterol-lowering	8,45
Disease-modifying	8,37
Second-line	8,36
Antimalarial	8,34
Anti-anxiety	8,10
Psychoactive	8,09
Mind-altering	8,06
Trafficker	8,00
Anti-retroviral	7,94
Anti-psychotic	7,93
Psychotropic	7,92
Trafficking	7,84

Таблица 3

Коллокации леммы *наркотик*

Collocations of lemma *narkotik*

Коллокат	**LogDice**
Незаконный	10,88
Алкоголь	10,72
Контрабанда	10,27
Употребление	10,07
Оборот	9,72
Употреблять	9,61
Торговец	9,52
Торговля	9,30
Распространение	9,23
Оружие	9,15
Борьба	8,73
Контроль	8,44
Связать	7,89
Легкий	7,85
Производство	7,59

интеграцию: термин функционирует в фармакологической и клинической парадигмах, одновременно включаясь в дискуссии общественного здравоохранения и, в меньшей степени, в криминальные контексты. Русскоязычное поле концепта НАРКОТИК(И), напротив, структурировано вокруг правоохранительно-медийного кластера: лексика акцентирует незаконность и оборот как экономико-правовую проблему.

Существенным элементом концептуальной структуры является также образная составляющая. Прежде всего обращает на себя внимание функционирование лексемы «наркотик» как модели концептуализации зависимости. В современной речи регулярно встречаются конструкции типа *«Ты – мой **наркотик**»*[13], *«Власть – сильнейший **наркотик**»*[14]. В этих случаях лексема «наркотик» выступает источником метафоры, через которую осмысляются иные социальные и психологические явления. Семантическое ядро переноса составляют три компонента: эйфорический эффект, формирование зависимости и утрата контроля, т. е. наркотик концептуализируется как прототип аддиктивного механизма, а затем эта модель переносится на иные сферы жизни. Другое направление метафоризации связано с обратным процессом: наркотики осмысляются через концепты, задающие оценочную рамку. В публичном и медийном дискурсе устойчиво функционирует модель *наркотики = яд*, актуализирующая представление о разрушительном и смертельном воздействии. Близки к ней метафоры *оружие* и *чума века*, характерные для политической и журналистской риторики борьбы[15].

Лексема «наркотик/наркотики» в русской среде не породила богатой традиционной фразеологии: слово вошло в общее употребление сравнительно недавно (в начале XX века), в то время как массовая актуализация произошла только в 1980–1990-е годы вместе с ростом медийного освещения проблемы. В результате в русском языке отсутствует большое количество исторически сложившихся фразеологических конструкций с элементом «наркотик» – функции образности в значительной мере взяли на себя жаргон и эвфемистика [9]. Подобная лексика функционирует в трех основных режимах. Во-первых, она выполняет функцию маскировки (безопасная номинация: *вещество, порошок, препарат* в средствах массовой информации и полуофициальном дискурсе). Во-вторых, способствует внутренней идентификации, т. е. маркирует принадлежность к субкультуре: *шмаль, травка, герыч*. Наконец, подобная лексика используется как средство стилистической игры и эстетизации: *кайф, улет, колеса*[16]. Структура жаргонизмов в значительной мере детерминирована семантикой подконцептов: отдельные группы веществ породили свои кластеры названий – так, для каннабиса фиксируются формы *трава*, *шмаль*, *косяк*, для ЛСД – *кислота*, *бумажка*, для кокаина – *мука*, *снежок*[17] и т. д.

Историческая перспектива показывает, что наркотический образ использовался и в русской литературе. У Д.Н. Мамина-Сибиряка встречается выражение: *«Этот заряд газетного яда он проглатывал с жадностью, как **наркотик**»*[18], где сопоставление подчеркивает

---

[13] *Кафаров А.* Ты мой наркотик. URL: https://proza.ru/2014/04/27/723 (дата обращения: 24.02.2026).

[14] *Кладов Н.* Власть самый сильный наркотик. URL: https://proza.ru/2021/01/24/690 (дата обращения: 24.02.2026).

[15] Борьба с незаконным оборотом наркотиков. Новости // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: https://мвд.рф/news/rubric/14/ (дата обращения: 24.02.2026).

[16] *Ломтев А.* Корпоративный жаргон лиц, потребляющих наркотики. URL: https://web.archive.org/web/20120331192443/http:/www.teneta.ru/rus/aa/argotrava.htm (дата обращения: 24.02.2026). (*Перечень основан на открытых лексикографических источниках и не является руководством.*)

[17] Там же.

навязчивость и зависимый характер чтения. В драматургии А.П. Чехова упоминание морфия (*«Ты взял у меня из дорожной аптеки баночку с **морфием**»*[19]) вводит медицинский контекст, в котором вещество выступает элементом повседневной практики, а не исключительно криминальной сферы. Эти примеры демонстрируют, что наркотический образ исторически не сводился к однозначно уголовной семантике; он уже тогда использовался как выразительное средство описания психологической зависимости или телесной боли. В массовой культуре конца XX – начала XXI века тема наркотиков получила интенсивную визуализацию и музыкальную репрезентацию. В музыкальной среде образ наркотика варьируется от обличительной интонации до романтизации: песня «Марш наркоманов» группы «Сектор Газа»; «Я твой наркотик» группы «Quest Pistols»; трек исполнителей Eldzhey и Kravz «Дисконнект» и др. В целом образная составляющая концепта НАРКОТИКИ в русской лингвокультуре представляет собой многослойную комбинацию официального табу, субкультурной продуктивности и медийной поляризации.

Образная составляющая концепта DRUGS в англоязычной культуре отличается высокой продуктивностью метафор и широкой интеграцией в разговорный, литературный и массовый дискурсы. В текстах "drug" функционирует не только как медицинский или криминальный термин, но и как универсальный модельный образ зависимости, стимуляции и трансформации. Центральной здесь является когнитивная модель «наркотик как источник зависимости», которая позволяет строить переносы, например: «*Love is a **drug***» (Любовь – это наркотик), *«Power is the ultimate **drug**»* (Власть – высший наркотик), *«Success became his **drug** of choice»* (Успех стал его главным наркотиком)[20]. Как и в русскоязычных переносах, в английских метафорических формулах широко используются иронизация и оценочная нюансировка [10, с. 30–31]: метафора может служить и романтической гиперболой, и критической характеристикой социальной зависимости. Концепт DRUG осмысляется и через другие концепты: *trip – психоделический опыт* (*People often ask what is **tripping** on acid like and how long do you **trip** on acid*[21] *– Люди часто спрашивают, каково это – находиться под воздействием ЛСД и как долго длится этот эффект*), или *chains of addiction – цепи зависимости (The **chains of addiction** often begin with a desire to escape from or numb certain feelings - pain, anxiety, fear, or even boredom*[22] *– Цепи зависимости зачастую берут начало в стремлении убежать от определенных чувств или притупить их — будь то боль, тревога, страх или даже скука)*. Идиоматический пласт английского языка богат устойчивыми выражениями, отражающими и терапевтические, и повседневные аспекты взаимоотношений с веществами: *drug of choice – предпочитаемый наркотик*, *kick the habit – покончить с зависимостью*, *cold turkey – резкий отказ (от наркотика)*[23] и т. п. При этом в англоязычном дискурсе наблюдается и активный жаргонный пласт: большие наборы синони-

---

[18] *Мамин-Сибиряк Д.* Любовь куклы // Русское Богатство. 1902. № 7–10.

[19] *Чехов А.* Дядя Ваня // *Чехов А.* П. Пьесы. СПб., 1897.

[20] Idioms Academy. 38 Metaphors for Drugs. URL: https://idiomsacademy.com/metaphors/drugs/ (дата обращения: 24.02.2026). (*Перечень основан на открытых лексикографических источниках и не является руководством.*)

[21] What Really Happens When You've Tripped on Acid? // Harmony Ridge's Blogs URL: https://www.harmonyridgerecovery.com/what-really-happens-when-youve-tripped-on-acid/ (дата обращения: 24.02.2026).

[22] *Hollingsworth J.* Breaking free: The unseen chains of addiction // Hypnotherapy Directory. URL: https://www.hypnotherapy-directory.org.uk/articles/breaking-free-the-unseen-chains-of-addiction (дата обращения: 24.02.2026).

[23] Idioms Academy. 38 Metaphors for Drugs. URL: https://idiomsacademy.com/metaphors/drugs/ (дата обращения: 24.02.2026).

мичных сленговых наименований (*weed – марихуана* [11], *coke – кокаин*, *smack – героин*[24] и т. п.) служат оперативной коммуникации внутри групп [12; 13].

Массовая культура демонстрирует парадокс: нарративы, романтизирующие употребление, соседствуют с записями о разрушительных последствиях [14]. Музыкальные примеры иллюстрируют это дуалистичное поле: в треке “Pills N Potions” исполнительницы Nicki Minaj наркотический образ эксплуатируется как метафора любовной боли и противоречивой привязанности: *«Pills and potions / We’re overdosing / I’m angry but I still love you (Таблетки и снадобья / У нас передозировка / Я злюсь, но все равно тебя люблю)»*; в песне Future «56 Nights» – наркотическая тематика соседствует с описанием криминального опыта и зависимости: *«I’m addicted to that lean, it’s gon’ be hard to clean (Я подсел на этот «лин» (наркотик), и с этим будет трудно завязать)»*. Англоязычная лексика, соответственно, обеспечивает логистическую и нормативную гибкость в дискурсе о наркотиках: от медицинской точности до повседневного эвфемизма.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ показал, что концепты НАРКОТИКИ и DRUGS демонстрируют существенно различающиеся понятийные, ценностные и образные конфигурации в русской и американской лингвокультурах. В русской лингвокультуре концепт НАРКОТИКИ характеризуется устойчивой эмоционально-негативной окраской, тогда как американская лингвокультура демонстрирует иную семантическую организацию концепта DRUGS: криминальный и разрушительный аспекты также присутствуют, но они сосуществуют с медицинским дискурсом, а не монополизируют концепт. Подобная дискурсивная асимметрия может быть объяснена культурно-историческими и институциональными факторами. Так, в российском общественном дискурсе тема наркотиков исторически формировалась преимущественно в рамках правоохранительной и профилактической риторики, что способствовало закреплению криминализированной семантики концепта. В англоязычной среде, напротив, развитие фармацевтической индустрии и биомедицинского дискурса привело к более широкой институциональной интеграции понятия, которое в настоящее время функционирует одновременно в медицинской, научной и криминальной сферах.

Список литературы

1. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001, 992 с.
2. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
4. *Воркачев С.Г. и др.* Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: моногр. / под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. Волгоград, 2007. 400 с.
5. *Baron S., Linton S., O’Malley M.* On Drugs // Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine. 2023. № 48(6). 551–564 p.
6. *Гаврилюк А.Р., Гаврилюк Р.В.* Наркотики (наркотические средства и психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги): анализ дефиниции // THEORIA: педагогика, экономика, право. 2021. № 4(5). С. 158–167.
7. *Tesseromatis C.* Drugs in Greek Mythology and Medicine // J. Med. Plants Stud. 2020. № 8(2). 38–43 p.
8. *Ashrafzadeh A.* Developing a Corpus-Based Academic Word List and Collocation List in Medicine // J. Lang. Commun. 2021. № 8(2). P. 239–300.

[24]Drug Enforcement Administration. Slang Terms and Code Words: A Reference for Law Enforcement Personnel. URL: https://archive.org/details/dea-drug-slang-terms-and-code-words-july2018/mode/2up (дата обращения: 24.02.2026). (*Перечень основан на открытых лексикографических источниках и не является руководством.*)

9. *Калинин П.* Наркомания в современном обществе: к вопросу о социальной подмене // Тр. Белгор. дух. семинарии. 2020. № 10. С. 115–121.
10. *Pesina S.A., Kiseleva S.V., Vinogradova S.A. [et al.]* Classification of Metaphors According to the Degree of Difficulty of Their Perception and Their Decoding from the Standpoint of Invariant Semantics. // ResMilitaris. 2022. Vol. 12, № 3. P. 2129–2141.
11. *MacDonald T.* A Weed by Any Other Name: Culture, Context, and the Terminology Shift from Marijuana to Cannabis // Ohio State University Moritz College of Law Legal Stud. Res. Paper Series. 2023. № 62. 13 p.
12. *Zhu W., Bhat S.* Euphemistic Phrase Detection by Masked Language Model // Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP. 2021. Vol. 2021. P. 163–168.
13. *Nahar S., Any H., Afrin M., Laila R.* Understanding of Drug Addiction Drug Abuse and Popular Drug Slang: A Narrative Review // J. Nat. Institute Neurosci. Bangladesh. 2022. № 8(1). P. 84–89. https://doi.org/10.3329/jninb.v8i1.59942
14. *Motyka M., Al-Imam A.* Representations of Psychoactive Drugs' Use in Mass Culture and Their Impact on Audiences // Int. J. Environment. Res. Public Health. 2021. № 18(11). Art. № 6000.

References

1. Stepanov Yu.S. *Constants: A Dictionary of Russian Culture*. Moscow, 2001. 992 p. (in Russ.).
2. Kubryakova E.S. *Language and Knowledge: On the Way of Obtaining Knowledge about Language: Part of Speech from the Cognitive Perspective. The Role of Language in Learning the World.* Moscow, 2004. 560 p. (in Russ.).
3. Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd, 2002. 477 p. (in Russ.).
4. Vorkachev S.G., Kuznetsova L.E., Kusov G.V. [et al.] *Linguocultural Concept: Typology and Spheres of Existence.* Volgograd, 2007. 400 p. (in Russ.).
5. Baron S., Linton S., O'Malley M. On Drugs. *J. Med. Philos.*, 2023, vol. 48, no. 6, pp. 551–564.
6. Gavrilyuk A.R., Gavrilyuk R.V. Drugs (Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, Their Precursors and Analogues): Definition Analysis. *Theoria*, 2021, no. 4, pp. 158–167 (in Russ.).
7. Tesseromatis C. Drugs in Greek Mythology and Medicine. *J. Med. Plants Stud*., 2020, no. 8, pp. 38–43.
8. Ashrafzadeh A. Developing a Corpus-based Academic Word List and Collocation List in Medicine. *J. Lang. Commun*., 2021, no. 8, pp. 239–300.
9. Kalinin P. A. Drug Addiction in Modern Society: On the Issue of Social Substitution. *Trudy Belgorodskoy dukhovnoy seminarii*, 2020, no. 10, pp. 115–121 (in Russ.).
10. Pesina S.A., Kiseleva S.V., Vinogradova S.A. [et al.] Classification of Metaphors According to the Degree of Difficulty of Their Perception and Their Decoding from the Standpoint of Invariant Semantics. *Res Militaris*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 2129–2141.
11. MacDonald T. A Weed by Any Other Name: Culture, Context, and the Terminology Shift from Marijuana to Cannabis. *Ohio State University Moritz College of Law Legal Studies Research Paper Series*, 2023, no. 62, art. no. 750.
12. Zhu W., Bhat S. Euphemistic Phrase Detection by Masked Language Model. *Findings of the Association for Computational Linguistics*, 2021, pp. 163–168.
13. Nahar S., Any H., Afrin M., Laila R. Understanding of Drug Addiction, Drug Abuse and Popular Drug Slang: A Narrative Review. *J. Nat. Institute Neurosci.*, 2022, no. 8, pp. 84–89. https://doi.org/10.3329/jninb.v8i1.59942
14. Motyka M., Al-Imam A. Representations of Psychoactive Drugs' Use in Mass Culture and Their Impact on Audiences. *Int. J. Environment. Res. Public Health*, 2021, no. 18, art. no. 6000.

Информация об авторах
С.В. Киселёва *– доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета.*
В.М. Соловьёв *– магистрант кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета.*

Information about the authors
Svetlana V. Kiseleva*, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Prof. at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics.*

Vladimir M. Solov'ev*, Graduate Student at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics.*

Поступила в редакцию 27.02.2026
Одобрена после рецензирования 15.06.2026
Принята к публикации 22.06.2026

Submitted 27 February 2026
Approved after reviewing 15 June 2026
Accepted for publication 22 June 2026